

АРКАДИЙ И БОРИС

СТРУГАЦКИЕ

Аркадий и Борис Стругацкие

За миллиард лет до конца света

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127623
Хищные вещи века: Эксмо, Terra Fantastica; Москва; 2006
ISBN 5-699-18877-0, 5-7921-0714-3, 5-699-18878-9

Аннотация

В этот том вошло одно из самых необычных произведений братьев Стругацких – повесть «За миллиард лет до конца света», относящаяся к жанру философской фантастики и пронизанная множеством литературных, исторических и метафизических аллюзий. Впоследствии повесть была положена в основу сценария фильма А. Сокурова «Дни затмения» – однако оригинал Стругацких резко отличается от фильма в сюжетном отношении.

Содержание

Глава первая 4
Глава вторая 11
Глава третья 17
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий
За миллиард лет до конца света
Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах

Глава первая

1. «…Белый июльский зной, небывалый за последние два столетия, затопил город. Ходили марева над раскаленными крышами, все окна в городе были распахнуты настежь, в жидкой тени изнемогающих деревьев потели и плавились старухи на скамеечках у подъездов.

Солнце перевалило через меридиан и впилось в многострадальные книжные корешки, ударило в стекла полок, в полированные дверцы шкафа, и горячие злобные зайчики задрожали на обоях. Надвигалась пополуденная маета – недалекий теперь уже час, когда остервенелое солнце, мертво зависнув над точечным двенадцатиэтажником напротив, простреливает всю квартиру навылет.

Малянов закрыл окно – обе рамы – и наглухо задернул тяжелую желтую штору. Потом, подсмыкнув трусы, прошлепал босыми ногами на кухню и отворил балконную дверь.

Было начало третьего.

На кухонном столике среди хлебных крошек красовался натюрморт из сковородки с засохшими остатками яичницы, недопитого стакана чая и обкусанной горбушки со следами оплавившегося масла.

– Никто не помыл и ничто не помыто, – сказал Малянов вслух.

Мойка была переполнена немытой посудой. Не мыто было давно.

Скрипнув половицей, появился откуда-то одуревший от жары Калям, глянул на Малянова зелеными глазами, беззвучно разинул и снова закрыл рот. Затем, подергивая хвостом, проследовал под плиту к своей тарелке. Ничего на этой тарелке не было, кроме сохлых рыбьих костей.

– Жрать хочешь… – сказал Малянов с неудовольствием.

Калям сейчас же откликнулся в том смысле, что да, неплохо бы наконец.

– Утром же тебе давали, – сказал Малянов, опускаясь на корточки перед холодильником. – Или нет, не давали… Это я тебе вчера утром давал…

Он вытащил Калямову кастрюлю и заглянул в нее – были там какие-то волокна, немного желе и прилипший к стенке рыбий плавник. А в холодильнике, можно сказать, и того не было. Стояла пустая коробочка из-под плавленого сыра «Янтарь», страшненькая бутылка с остатками кефира и винная бутылка с холодным чаем для питья. В отделении для овощей среди луковой шелухи доживал свой век сморщенный полукочанчик капусты с кулак величиной да угасала в пренебрежении одинокая проросшая картофелина. Малянов заглянул в морозильник – там в сугробах инея устроился на зимовку крошечный кусочек сала на блюдце. И все.

Калям мурлыкал и терся усами о голое колено. Малянов захлопнул холодильник и поднялся.

– Ничего, ничего, – сказал он Каляму. – Все равно сейчас везде обеденный перерыв.

Можно было бы, конечно, пойти на Московский, где перерыв с часу до двух, но там всегда очереди, и тащиться туда далеко по жаре… Это надо же – какой паршивый интеграл

оказался! Ну, ладно… Пусть это будет константа… от омеги не зависит. Ясно ведь, что не зависит. Из самых общих соображений следует, что не должен зависеть. Малянов представил себе этот шар и как интегрирование идет по всей поверхности. Откуда-то вдруг выплыла формула Жуковского. Ни с того ни с сего. Малянов ее выгнал, но она снова появилась. Конформные отображения попробовать, подумал он.

Опять задребезжал телефон, и тут выяснилось, что Малянов, оказывается, уже снова был в комнате. Он чертыхнулся, упал боком на тахту и дотянулся до трубки.

– Да!

– Витя? – спросил энергичный женский голос.

– Какой вам телефон нужен?

– Это «Интурист»?

– Нет, это квартира…

Малянов бросил трубку и некоторое время полежал неподвижно, ощущая, как голый бок, прижатый к ворсу, неприятно подмокает по́том. Желтая штора светилась, и комната была наполнена тяжелым желтым светом. Воздух был как кисель. В Бобкину комнату надо перебираться, вот что. Баня ведь. Он поглядел на свой стол, заваленный бумагами и книгами. Одного Смирнова Владимира Ивановича шесть томов… И вон еще сколько бумаги на полу разбросано. Страшно подумать – перебираться. Постой, у меня же какое-то просветление было… Ч-черт… С этим твоим «Интуристом», дура безрукая… Значит, я был на кухне, затем меня принесло сюда… А! Конформные отображения! Дурацкая идея. Вообще-то надо посмотреть…

Он кряхтя поднялся с тахты, и телефон сейчас же зазвонил снова.

– Идиот, – сказал он аппарату и взял трубку. – Да!

– Это база? Кто говорит? Это база?

Малянов положил трубку и набрал номер ремонтной.

– Ремонтная? Я говорю с телефона 93-98-07… Слушайте, я вам вчера уже звонил один раз. Невозможно же работать, все время попадают сюда…

– Какой у вас номер? – прервал его злобный женский голос.

– 93-98-07… Мне все время звонят то в «Интурист», то в гараж, то…

– Положите трубку. Проверим.

– Пожалуйста… – просительно сказал Малянов уже в короткие гудки.

Потом он прошлепал к столу, уселся и взял ручку. Та-ак… Где же я все-таки видел этот интеграл? Стройный ведь такой интеграшка, во все стороны симметричный… Где я его видел? И даже не константа, а просто-напросто ноль! Ну, хорошо. Оставим его в тылу. Не люблю я ничего оставлять в тылу, неприятно это, как дырявый зуб…

Он принялся перебирать листки вчерашних расчетов, и у него вдруг сладко замлело сердце. Все-таки здорово, ей-богу… Ай да Малянов! Ай да молодец! Наконец-то, кажется, что-то у тебя получилось. Причем это, брат, настоящее. Это, брат, тебе не «фигура цапф большого пассажного инструмента», этого, брат, до тебя никто не делал! Тьфу-тьфу, только бы не сглазить… Интеграл этот… Да пусть он треснет, интеграл этот, – дальше поехали, дальше!

Раздался звонок. В дверь. Калям спрыгнул с тахты и, задрав хвост, поскакал в прихожую. Малянов аккуратно положил ручку.

– С цепи сорвались, честное слово, – произнес он.

В прихожей Калям описывал нетерпеливые круги и орал, путаясь под ногами.

– Ка-ал-лям! – сказал Малянов сдавленно-угрожающим голосом. – Да Калям, пошел вон!

Он открыл дверь. За дверью оказался плюгавый мужчина в кургузом пиджачке неопределенного цвета, небритый и потный. Слегка откинувшись всем корпусом назад, он держал

перед собою большую картонную коробку. Бурча нечленораздельное, он двинулся прямо на Малянова.

– Вы… э… – промямлил Малянов, отступая.

Плюгавый был уже в прихожей – глянул направо в комнату и решительно повернул налево в кухню, оставляя за собой на линолеуме белые пыльные следы.

– Позвольте… э… – бормотал Малянов, наступая ему на пятки.

Мужчина уже поставил коробку на табурет и вытащил из нагрудного кармана пачку каких-то квитанций.

– Вы из ЖЭКа, что ли? – Малянову почему-то пришло в голову, что это водопроводчик наконец явился – чинить кран в ванной.

– Из гастронома, – сипло сказал мужчина и протянул две квитанции, сколотые булавкой. – Распишитесь вот здесь…

– А что это? – спросил Малянов и тут же увидел, что это бланки стола заказов. Коньяк – две бутылки, водка… – Подождите, – сказал он. – По-моему, мы ничего…

Он увидел сумму. Он ужаснулся. Таких денег в квартире не было. Да и вообще с какой стати? Охваченное паникой воображение мигом выстроило перед ним удручающую последовательность всевозможных сложностей, вроде необходимости оправдываться, отпираться, возмущаться, призывать к здравому смыслу… звонить, наверное, куда-нибудь придется, может быть, даже ехать… Но тут на углу квитанции он обнаружил фиолетовый штамп «Оплачено» и сразу же – имя заказчика: Малянова И.Е. Ирка!.. Ни черта понять невозможно.

– Вот тут расписывайтесь, вот тут… – бурчал плюгавый, тыча траурным ногтем. – Вот где птичка стоит…

Малянов принял от него огрызок карандаша и расписался.

– Спасибо… – сказал он, возвращая карандаш. – Большое спасибо… – обалдело повторял он, протискиваясь рядом с плюгавым через узкую прихожую. Дать ему надо бы что-нибудь, да мелочи нет… – Огромное вам спасибо, до свидания!.. – крикнул он в спину кургузому пиджачку, ожесточенно отпихивая ногой Каляма, который рвался полизать цементный пол на лестничной площадке.

Потом Малянов закрыл дверь и некоторое время постоял в сумраке. В голове было как-то все неясно.

– Странно… – сказал он вслух и вернулся на кухню.

Калям уже отирался возле коробки. Малянов поднял крышку и увидел горлышки бутылок, пакеты, свертки, банки консервов. На столе лежала копия квитанции. Так. Копирка, как водится, подгуляла, но почерк разборчивый. Улица Героев… гм… Вроде все правильно. Заказчик: Малянова И.Е. Ничего себе – привет! Он посмотрел на сумму. Уму непостижимо! Он перевернул квитанцию. На обратной стороне ничего интересного не было. Был там расплющенный и присохший комар. Что это Ирка – ошалела совсем, что ли? У нас долгов пятьсот рублей… Подожди… Может быть, она что-нибудь говорила перед отъездом? Он стал вспоминать день отъезда, распахнутые чемоданы, кучи одежды, разбросанные повсюду, полуодетая Ирка орудует утюгом… Не забывай Каляма кормить, травку ему приноси… знаешь, такую острую… за квартиру не забудь заплатить… если шеф позвонит, дай ему мой адрес. Вроде бы все. Что-то она еще говорила, но тут Бобка прибежал со своим пулеметом… Да! Белье надо в стирку отнести… Ни фига не понимаю.

Малянов опасливо потянул из ящика бутылку. Коньяк. Рублей пятнадцать, ей-богу! Да что же это такое – день рождения у меня сегодня, что ли? Ирка уехала когда? Четверг, среда, вторник… Он принялся загибать пальцы. Сегодня десятый день, как она уехала. Значит, заказала заранее. Деньги опять у кого-нибудь заняла и заказала. Сюрприз. Долгов, понимаете, пятьсот рублей, а она – сюрприз!.. Ясно было только одно: в магазин можно не ходить.

Все остальное представлялось как бы в тумане. День рождения? Нет. Годовщина свадьбы? Вроде бы тоже нет. Точно – нет. День рождения Барбоса? Зимой…

Он пересчитал горлышки. Десять штук, как одна копейка. На кого же это она рассчитывала? Мне столько и за год не выпить. Вечеровский тоже почти не пьет, а Вальку Вайнгартена она не любит… Может быть, у них в отделе какой-нибудь банкет должен быть? Только чего ради за десять дней все заказывать? Да и не может быть у них никакого банкета, все они сейчас разъехались…

Калям ужасно заорал. Что-то он там учуял, в этой коробке…»

2. «…лосося в собственном поту и ломоть ветчины с лежалой горбушкой. Потом он принялся мыть посуду. Было совершенно ясно, что при таком великолепии в холодильнике грязь на кухне выглядит особенно неуместно. За это время телефон звонил дважды, но Малянов только челюсть выпячивал. Не пойду, и всё. Провались они все со своими гаражами и базами. Сковородку тоже придется помыть, это неизбежно. Сковородка теперь понадобится для более высоких целей, нежели какая-то там яичница… Тут ведь все дело в чем? Если интеграл на самом деле ноль, то в правой части остается только первая и вторая производные… Физический смысл я здесь не совсем понимаю, но все равно – здорово получаются эти пузыри. А что? Так и назову: пузыри. Нет, наверное, лучше «полости». Полости Малянова. «М-полости». Гм…

Он расставил по полкам мытую посуду и заглянул в Калямову кастрюлю. Горячо еще слишком, пар идет. Бедный Калямушка. Придется ему потерпеть. Придется Калямушке еще немного пострадать, пока остынет…

Он вытирал руки, когда его вдруг снова осенило, совсем как вчера, и так же, как вчера, он сначала не поверил.

– Подожди-ка, подожди… – лихорадочно бормотал он, а ноги уже несли его по коридорчику, по прохладному, липнущему к пяткам линолеуму в густой желтый жар, к столу, к авторучке…

Черт, где она? Чернила кончились. Карандаш здесь где-то валялся… И в то же время вторым, а вернее – первым, основным планом: функция Гартвига… и всей правой части как не бывало… Полости получаются осесимметричные… А интегральчик-то не ноль! То есть он до такой степени не ноль, мой интегральчик, что величина вовсе существенно положительная… Но картинка, ах какая картинка получается! Как это я сразу не допер? Ничего, Малянов, ничего, браток, не один ты не допер. Академик вон тоже не допер… В желтом, слегка искривленном пространстве медленно поворачивались гигантскими пузырями осесимметричные полости, материя обтекала их, пыталась проникнуть внутрь, но не могла, на границе материя сжималась до неимоверных плотностей, и пузыри начинали светиться. Бог знает, что там начиналось… Ничего, и это выясним… С волокнистой структурой разберемся – раз. С дугами Рагозинского – два! А потом планетарные туманности. Вы, голубчики мои, что себе думали? Что это расширяющиеся сброшенные оболочки? Вот вам – оболочки! В точности наоборот!

Снова задребезжал проклятый телефон. Малянов зарычал от ненависти, не переставая писать. Выключить его, к чертям, сейчас же. Там есть такой рычажок… Он бросился на тахту и сорвал трубку.

– Да!

– Митька?

– Да… Это кто?

– Не узнаешь, собака? – Это был Вайнгартен.

– А, Валька… Чего тебе?

Вайнгартен помедлил.

– Ты почему к телефону не подходишь? – спросил он.

– Работаю, – сказал Малянов злобно. Он был очень неприветлив. Хотелось вернуться к столу и досмотреть картинку с пузырями.

– Работаешь… – Вайнгартен засопел. – Нетленку, значит, лепишь…

– Ты что, зайти хотел?

– Зайти? Да нет, не то чтобы зайти…

Малянов окончательно разозлился.

– Так чего тебе надо?

– С-с-слушай, отец… А чем ты сейчас занимаешься?

– Работаю! Сказано тебе!

– Да нет… Я хотел спросить: над чем ты работаешь?

Малянов обалдел. Он знал Вальку Вайнгартена двадцать пять лет, и сроду Вайнгартен никакой маляновской работой не интересовался, сроду Вайнгартена интересовал только сам Вайнгартен лично, а также еще два таинственных предмета его интересовали: двугривенный 1934 года и так называемый «консульский полтинник», который, собственно, и полтинником-то не был, а был какой-то там особенной почтовой маркой… Делать гаду нечего, решил Малянов. Трепло… Или ему крыша понадобилась, что он так мнется? И тут он вспомнил Аверченко.

– Над чем я работаю? – переспросил он со злорадством. – Изволь, могу рассказать во всех подробностях. Тебе как биологу это будет страшно интересно. Вчера утром я наконец слез с мертвой точки. Оказывается, при самых общих предположениях относительно потенциальной функции мои уравнения движения имеют еще один интеграл – кроме интеграла энергии и интегралов моментов. Получается что-то вроде обобщения ограниченной задачи трех тел. Если уравнения движения записать в векторной форме и применить преобразования Гартвига, то интегрирование по всему объему проводится до конца, и вся математика сводится к интегро-дифференциальным уравнениям типа Колмогорова – Феллера…

К его огромному изумлению, Вайнгартен не перебивал. На секунду Малянову даже показалось, что их разъединили.

– Ты меня слушаешь? – спросил он.

– Да-да, слушаю очень внимательно.

– Может быть, ты даже меня понимаешь?

– Секу помаленьку, – бодро сказал Вайнгартен, и тут Малянов в первый раз подумал, какой у него странный голос. Он даже испугался.

– Валька, случилось что-нибудь?

– Где? – спросил Вайнгартен, помедлив опять.

– Где… У тебя, естественно! Я же слышу, что ты какой-то… Тебе что, разговаривать неудобно?

– Да нет, отец. Все это чепуха. Ладно. Жара замучила. Про двух петухов знаешь анекдот?

– Нет. Ну?

Вайнгартен рассказал анекдот про двух петухов – очень глупый, но довольно смешной. Какой-то совсем не вайнгартеновский анекдот. Малянов, конечно, слушал и, когда пришло на то время, захихикал, но неясное ощущение, что у Вайнгартена не все ладно, от этого анекдота у него только усилилось. Опять, наверное, со Светкой поцапался, подумал он неуверенно. Опять ему эпителий попортили. И тут Вайнгартен спросил:

– Слушай, Митька… Снеговой – такая фамилия тебе ничего не говорит?

– Снеговой? Арнольд Палыч? Ну, сосед у меня есть, напротив живет, через площадку… А что?

Вайнгартен некоторое время молчал. Даже сопеть перестал. Слышно было в трубке только негромкое бряканье, – наверное, подбрасывал он в горсти свои коллекционные двугривенные. Потом он сказал:

– А чем он занимается, твой Снеговой?

– Физик, по-моему. В каком-то ящике работает. Шибко секретный. А ты откуда его знаешь?

– Да я его не знаю, – с непонятной досадой сказал Вайнгартен, и тут раздался звонок в дверь.

– Нет, явно сорвались с цепи! – сказал Малянов. – Подожди, Валька. В дверь наяривают…

Вайнгартен что-то сказал или даже, кажется, крикнул, но Малянов уже бросил трубку на тахту и выскочил в прихожую. Калям, конечно, опять запутался у него в ногах, и он чуть не грохнулся.

Открывши дверь, он сейчас же отступил на шаг. На пороге стояла молодая женщина в белом мини-сарафане, очень загорелая, с выгоревшими на солнце короткими волосами. Красивая. Незнакомая. (Малянов сразу ощутил, что он в одних трусах и брюхо у него потное.) У ног ее стоял чемодан, через левую руку был перекинут пыльник.

– Дмитрий Алексеевич? – спросила она стесненно.

– Д-да… – проговорил Малянов. «Родственница? Троюродная Зина из Омска?»

– Вы меня простите, Дмитрий Алексеевич… Наверное, я некстати… Вот.

Она протянула конверт. Малянов молча взял этот конверт и вытащил из него листок бумаги. Страшные чувства против всех родственников на свете, и особенно против этой троюродной Зины – или… Зои? – угрюмо клокотали у него в душе…

Впрочем, это оказалась не троюродная Зина. Ирка крупными буквами, явно второпях, писала вкривь и вкось: «Димкин! Это Лидка Пономарева, моя любимая школьная подруга. Я тебе про нее расск. Прими ее хорошенько, она ненадолг. Не хами. У нас все хор. Она расск. Целую, И.».

Малянов издал протяжный, неслышный миру вопль, закрыл и снова открыл глаза. Однако губы его уже автоматически складывались в приветливую улыбку.

– Очень приятно… – заявил он дружески развязным тоном. – Заходите, Лида, прошу… Извините меня за мой вид. Жара!

Все-таки, видно, не все было в порядке с его радушием, потому что на лице красивой Лиды вдруг появилось выражение растерянности и она почему-то оглянулась на пустую, залитую солнцем лестничную площадку, словно вдруг усомнилась, туда ли она попала.

– Позвольте, я вам чемодан… – поспешно сказал Малянов. – Заходите, заходите, не стесняйтесь… Пыльник вешайте сюда… Здесь у нас большая комната, я там работаю, а здесь – Бобкина… Она и будет ваша… Вы, наверное, душ захотите принять?

Тут с тахты донеслось до него гнусавое кваканье.

– Пардон! – воскликнул он. – Вы располагайтесь, располагайтесь, я сейчас…

Он схватил трубку и услышал, как Вайнгартен монотонно, не своим каким-то голосом повторяет:

– Митька… Митька… Отвечай, Митька…

– Алё! – сказал Малянов. – Валька, слушай…

– Митька! – заорал Вайнгартен. – Это ты?

Малянов даже испугался.

– Чего ты орешь? Тут ко мне приехали, извини… Я тебе потом позвоню.

– Кто? Кто приехал? – страшным голосом спросил Вайнгартен.

Малянов ощутил какой-то холодок по всему телу. С ума сошел Валька. Ну и денек…

– Валька, – сказал он очень спокойно. – Что с тобой сегодня? Ну, женщина одна приехала… Иркина подруга…

– С-сукин сын! – сказал вдруг Вайнгартен и повесил трубку…»

Глава вторая

3. «…а она сменила свой мини-сарафан на мини-юбочку и мини-кофточку. Надо сказать, девочка она была в высшей степени призывная, – у Малянова создалось впечатление, что она начисто не признавала лифчиков. Ни к чему ей были лифчики, все у нее было в порядке безо всяких лифчиков. О «полостях Малянова» он больше не вспоминал.

Впрочем, все было очень прилично, как в лучших домах. Сидели, трепались, пили чаек, потели. Он был уже Димочкой, а она у него уже стала Лидочкой. После третьего стакана Димочка рассказал анекдот о двух петухах – просто к слову пришлось, – и Лидочка очень хохотала и махала на Димочку голой рукой. Он вспомнил (петухи напомнили), что надо бы позвонить Вайнгартену, но звонить не пошел, а вместо этого сказал Лидочке:

– Изумительно вы все-таки загорели!

– А вы – белый, как червяк, – сказала Лидочка.

– Работа, работа! Труды!

– А у нас в пионерлагере…

И Лидочка подробно, но очень мило рассказала, как там у них в пионерлагере насчет позагорать. В ответ Малянов рассказал, как ребята загорают на Большой антенне. Что такое Большая антенна? Пожалуйста. Он рассказал, что такое Большая антенна и зачем. Она вытянула свои длинные коричневые ноги и, скрестив, положила их на Бобкин стульчик. Ноги были гладкие, как зеркало. У Малянова создалось впечатление, что в них даже что-то отражалось. Чтобы отвлечься, он поднялся и взял с конфорки кипящий чайник. При этом он обварил себе паром пальцы и мельком вспомнил о каком-то монахе, который сунул конечность то ли в огонь, то ли в кипяток, дабы уйти от зла, проистекающего ввиду наличия в непосредственной близости прекрасной женщины, – решительный был малый.

– Хотите еще стаканчик? – спросил он.

Лидочка не ответила, и он обернулся. Она смотрела на него широко открытыми светлыми глазами, и на блестящем от загара лице ее было совершенно неуместное выражение – не то растерянности, не то испуга, – у нее даже рот приоткрылся.

– Налить? – неуверенно спросил Малянов, качнув чайником.

Лидочка встрепенулась, часто-часто замигала и провела пальцами по лбу.

– Что?

– Я говорю – чайку налить вам еще?

– Да нет, спасибо… – Она засмеялась как ни в чем не бывало. – А то я лопну. Надо фигуру беречь.

– О да! – сказал Малянов с повышенной галантностью. – Такую фигуру, несомненно, надо беречь. Может быть, ее стоит даже застраховать…

Она мельком улыбнулась и, повернув голову, через плечо посмотрела во двор. Шея у нее была длинная, гладкая, разве что несколько худая. У Малянова создалось еще одно впечатление, а именно, что эта шея создана для поцелуев. Равно как и ее плечи. Не говоря уже об остальном. Цирцея, подумал он. И сразу же добавил: впрочем, я люблю свою Ирку и никогда в жизни ей не изменю…

– Вот странно, – сказала Цирцея. – У меня такое ощущение, будто я все это уже когда-то видела: эту кухню, этот двор… только во дворе было большое дерево… Огромное дерево!.. У вас так бывает?

– Конечно, – сказал Малянов с готовностью. – По-моему, это у всех бывает. Я где-то читал, это называется ложная память…

– Да, наверное, – проговорила она с сомнением.

Малянов, стараясь не слишком шуметь, осторожно прихлебывал горячий чай. В легкой трепотне явно возник какой-то перебой. Словно заело что-то.

– А может быть, мы с вами уже встречались? – спросила она вдруг.

– Где? Когда? Я бы вас запомнил…

– Ну, может быть, случайно… где-нибудь на улице… на танцах…

– Какие могут быть танцы? – возразил Малянов. – Я уже забыл, как это делается…

И тут они оба замолчали, да так, что у Малянова даже пальцы на ногах поджались от неловкости. Это было то самое отвратительное состояние, когда не знаешь, куда глаза девать, а в голове, как камни в бочке, с грохотом пересыпаются абсолютно неподходящие и бездарные начала новых разговоров. «А наш Калям ходит в унитаз…» Или: «Помидоров в этом году в магазинах не достать…» Или: «Может быть, еще стаканчик чайку?» Или, скажем: «Ну а как вам нравится наш замечательный город?..»

Малянов осведомился невыносимо фальшивым голосом:

– Ну и какие же у вас, Лидочка, планы в нашем замечательном городе?

Она не ответила. Она молча уставилась на него круглыми, словно бы от крайнего изумления, глазами. Потом отвела взгляд, сморщила лоб. Закусила губу. Малянов всегда считал себя скверным психологом и в чувствах окружающих, как правило, ничегошеньки не понимал. Но тут он с совершенной ясностью понял, что его незамысловатый вопрос оказался прекрасной Лидочке решительно не под силу.

– Планы?.. – пробормотала она наконец. – Н-ну… конечно… А как же? – Она вдруг словно бы вспомнила. – Ну, Эрмитаж, конечно… импрессионисты… Невский… И вообще я белых ночей никогда не видела…

– Малый туристский набор, – сказал Малянов торопливо, чтобы ей помочь. Не мог он видеть, когда человеку приходится врать. – Давайте я вам все-таки чайку налью… – предложил он.

И снова она засмеялась как ни в чем не бывало.

– Димочка, – сказала она, очень мило надувши губки, – ну что вы ко мне пристаете с этим вашим чайком? Если хотите знать, я этого вашего чая вообще никогда не пью… А тут еще в такую жару!

– Кофе? – предложил Малянов с готовностью.

Она была категорически против кофе. В жару, да еще на ночь, не следует пить кофе. Малянов рассказал ей, что на Кубе только и спасался кофе, а там жара – тропическая. Он объяснил ей действие кофеина на вегетативную нервную систему. Заодно он рассказал ей, что на Кубе из-под мини-юбки обязательно должны быть видны трусики, а если трусики не видны, то это уже не мини-юбка, и у кого трусики не видны, та считается монахиней и старой девой. При всем при том мораль там, как ни странно, очень строгая. Ни-ни! Революция.

– А какие там пьют коктейли? – спросила она.

– Хайбол, – ответил Малянов гордо. – Ром, лимонад и лед.

– Лед, – сказала она мечтательно…»

4. «…потом он налил еще по фужеру. Возникло предложение выпить на «ты». Без поцелуев. Какие могут быть поцелуи между интеллигентными людьми? Здесь главное – духовная общность. Выпили на «ты» и поговорили о духовной общности, о новых методах родовспоможения, а также о различии между мужеством, смелостью и отвагой. Рислинг кончился, Малянов выставил пустую бутылку на балкон и сходил в бар за «каберне». «Каберне» было решено пить из Иркиных любимых бокалов дымчатого стекла, которые они предварительно набили льдом. Под разговор о женственности, возникший из разговора о мужестве, ледяное красное шло особенно хорошо. Интересно, какие ослы установили, будто красное вино не следует охлаждать? Они обсудили этот вопрос. Не правда ли, ледяное красное особенно

хорошо? Да, это несомненно так. Между прочим, женщины, пьющие ледяное красное, както особенно хорошеют. Они становятся где-то похожи на ведьм. Где именно? Где-то. Прекрасное слово – где-то. Вы где-то свинья. Обожаю этот оборот. Кстати, о ведьмах… Что такое, по-твоему, брак? Настоящий брак. Интеллигентный брак. Брак – это договор. Малянов снова наполнил бокалы и развил эту мысль. В том аспекте, что муж и жена в первую очередь друзья, для которых главное – дружба. Искренность и дружба. Брак – это дружба. Договор о дружбе, понимаешь?.. При этом он держал Лидочку за голую коленку и для убедительности встряхивал. Возьми нас с Иркой. Ты знаешь Ирку…

В дверь позвонили.

– Это еще кого бог несет? – удивился Малянов, поглядев на часы. – По-моему, у нас все дома.

Было без малого десять. Повторяя: «У нас, знаете ли, все дома…» – он пошел открывать и в прихожей, конечно, наступил на Каляма. Калям вякнул.

– А-а, провались ты, сатана!.. – сказал ему Малянов и открыл дверь.

Оказалось, что это сосед пожаловал, шибко секретный Снеговой Арнольд Палыч.

– Не поздно? – прогудел он из-под потолка. Огромный мужик, как гора. Седовласый Шат.

– Арнольд Палыч! – сказал ему Малянов с подъемом. – Какое может быть «поздно» между друзьями? Пр-рашу!

Снеговой заколебался было, видя этот подъем, но Малянов схватил его за рукав и втащил в прихожую.

– Очень, очень кстати… – говорил он, таща Снегового на буксире. – Познакомитесь с прекрасной женщиной!.. – обещал он, заворачивая Снегового в кухню. – Лидочка, это Арнольд Палыч! – объявил он. – Сейчас я еще один бокал… и бутылочку…

Перед глазами у него, надо сказать, уже немножко плыло. И если честно, то даже не немножко, а основательно. Пить ему больше не следовало, он себя знал. Но очень хотелось, чтобы все было хорошо, дружно, чтобы все всем нравились. Пусть они друг другу понравятся, растроганно думал он, покачиваясь перед раскрытым баром и таращась в желтоватые сумерки. Ему все равно, он холостяк. А у меня Ирка!.. Он погрозил пальцем в пространство и полез в бар.

Слава богу, он ничего не разбил. Но когда он приволок бутылку «Бычьей крови» и чистый бокал, обстановка на кухне ему не понравилась. Оба молчали и курили, не глядя друг на друга. И почему-то лица их показались Малянову зловещими: зловеще красивое, яркое лицо Лидочки и зловеще жестокое, лишайчатое от старых ожогов лицо Снегового.

– Что смолкнул веселия глас? – бодро вопросил Малянов. – Все на свете вздор! Есть только одна роскошь на свете – роскошь человеческого общения! Не помню, кто это сказал… – Он откупорил бутылку. – Давайте пользоваться этой общностью… э… роскошью…

Вино полилось рекой, в том числе и на стол. Снеговой подскочил, спасая белые брюки. Все-таки он был ненормально огромен. В наше малогабаритное время не должно быть таких людей. Рассуждая об этом, Малянов кое-как вытер стол, и Снеговой снова опустился на табурет. Табурет хрустнул.

Пока вся роскошь человеческого общения выражалась лишь в нечленораздельных возгласах. О, эта проклятая интеллигентская стеснительность! Не могут два прекрасных человека сразу же, немедленно, раскрыться друг перед другом, принять друг друга в свои души, стать друзьями с первого взгляда. Малянов встал и, держа бокал на уровне ушей, пространно развил эту тему вслух. Не помогло. Выпили. Опять не помогло. Лидочка скучающе смотрела в окно. Снеговой, пришипившись, крутил на столе свой пустой бокал между огромными коричневыми ладонями. Впервые Малянов заметил, что у него и руки обожжены – до самых локтей и даже выше. Это вдохновило его на вопрос:

– Ну, Арнольд Палыч, когда вы теперь исчезнете?

Снеговой заметно вздрогнул и взглянул на него, а затем втянул голову в плечи и сгорбился. Малянову показалось даже, что он собирается встать, и тут до него дошло, что вопрос его прозвучал, мягко выражаясь, двусмысленно.

– Арнольд Палыч! – возопил он, воздевая руки к потолку. – Господи, да я совсем не то хотел сказать! Лидочка! Ты понимаешь, перед тобой сидит совершенно таинственный и загадочный человек. Время от времени он исчезает. Придет, занесет ключ от квартиры и как бы растворяется в воздухе! Месяц его нет, другой нет. Вдруг – звонок. Является… – Он почувствовал, что несет лишнее, что хватит уже, что пора выруливать из этой темы. – В общем, Арнольд Палыч, вы прекрасно знаете, что я вас очень люблю и всегда рад вас видеть. Так что о том, чтобы исчезать раньше двух часов, не может быть и речи…

– Ну конечно, Дмитрий Алексеевич… – прогудел Снеговой и похлопал Малянова ладонью по плечу. – Конечно, дорогой, конечно…

– А это – Лидочка! – сказал Малянов, тыча пальцем в сторону Лидочки. – Лучшая школьная подруга моей жены. Из Одессы.

Снеговой с видимым усилием повернулся к Лидочке и спросил:

– Вы надолго в Ленинград?

Она что-то ответила довольно доброжелательно, и он снова что-то спросил, что-то про белые ночи…

Словом, у них началось все-таки роскошное общение, и Малянов смог перевести дух. Не-ет, ребята, мне пить нельзя. Ну и срамотища! Трепло забалдевшее. Не слыша и не понимая ни единого слова, он смотрел на страшный, изъеденный адским огнем лик Снегового и мучился совестью. Когда мучения стали нестерпимы, он тихонько встал, придерживаясь за стенку, добрался до ванной и заперся там. Некоторое время он в угрюмом отчаянии сидел на краю ванны, затем пустил холодную воду на полную мощность и, кряхтя, подставил голову.

Когда он вернулся, освеженный и с мокрым воротником, Снеговой натужно рассказывал анекдот про двух петухов. Лидочка звонко хохотала, закидывая голову и открывая свою созданную для поцелуев шею. Малянов воспринял это с удовлетворением, хотя, в общем-то, ему не нравились люди, которые возводят вежливость в искусство. Впрочем, роскошь общения, как и всякая роскошь, несомненно требовала определенных издержек. Он подождал, пока Лидочка отсмеется, подхватил падающее знамя и разразился серией астрономических анекдотов, которых никто из присутствующих знать не мог. Когда он выдохся, Лидочка порадовала общество анекдотами пляжными. Анекдоты были, честно говоря, довольно средние, и рассказывать Лидочка не умела вовсе, но зато она умела хохотать, и зубки у нее были белые как сахар. Затем разговор как-то перекинулся в область предсказания будущего. Лидочка поведала, что цыганка предсказала ей трех мужей и бездетность. «Что бы мы делали без цыганок?» – пробормотал Малянов и похвастался, что вот ему лично цыганка нагадала крупное открытие относительно взаимодействия звезд с диффузной материей в Галактике. Они снова хватили ледяной «Бычьей крови», и тут Снеговой вдруг разразился странной историей.

Оказывается, ему было предсказано, что умрет он восьмидесяти трех лет в Гренландии. («В Гренландской социалистической республике…» – немедленно сострил Малянов, но Снеговой спокойно возразил: «Нет, просто в Гренландии…») В это он фатально верит, и эта уверенность всех вокруг раздражает. Однажды – было это во время войны, хотя и не на фронте, – один из его знакомых, под банкой, конечно, или, как тогда говорили, вполсвиста, до того раздражился, что вытащил «ТТ», приставил дуло к голове Снегового и, сказавши: «А вот мы проверим!» – спустил курок…

– И?.. – спросила Лидочка.

– Убил наповал, – сострил Малянов.

– Была осечка, – сказал Снеговой.

– Странные у вас знакомые, – сказала Лидочка с сомнением.

Тут она попала в самую точку. Вообще-то Арнольд Палыч рассказывал о себе редко, но смачно. И если судить по этим рассказам, то знакомые у него и в самом деле были очень необычные.

Некоторое время Малянов горячо спорил с Лидочкой, как Арнольда Палыча может занести в Гренландию. Малянов склонялся к авиационной катастрофе, Лидочка же настаивала на обыкновенной туристической поездке. Сам Арнольд Палыч, растянув лиловые губы в улыбку, помалкивал и садил сигарету за сигаретой.

Потом Малянов спохватился и вознамерился было снова расплескать по бокалам, но обнаружил, что и эта бутылка уже пуста. Он рванулся за новой, однако Арнольд Палыч остановил его. Ему уже пора было идти, он ведь просто так забежал, на минутку. Лидочка, напротив, готова была продолжать. Она вообще была ни в одном глазу, только щеки немного раскраснелись.

– Нет-нет, ребятки, – сказал Снеговой. – Я должен идти. – Он грузно поднялся и снова заполнил собой всю кухню. – Я уж пойду, Дмитрий Алексеевич, проводите меня… Спокойной ночи, Лидочка. Рад был познакомиться.

Они двинулись через прихожую. Малянов все пытался уговорить его остаться еще на бутылочку, но Снеговой только мотал седогривой головой и отрицательно мычал. В дверях он вдруг громко произнес:

– Да, Дмитрий Алексеевич! Я же обещал вам эту книгу… Пойдемте, я вам отдам…

«Какую это книгу?» – хотел спросить Малянов, но Снеговой прижал толстый палец к губам и увлек его через площадку к своей квартире. Этот толстый палец так поразил Малянова, что он последовал за Снеговым как овечка. Молча, все еще держа Малянова за локоть, Снеговой нашарил свободной рукой ключ в кармане и открыл дверь. По всей квартире у него горел свет – и в прихожей, и в обеих комнатах, и на кухне, и даже в ванной. Пахло застарелым табачным дымом и тройным одеколоном, и Малянову вдруг пришло в голову, что за все пять лет знакомства он, пожалуй, ни разу здесь не был. В комнате, куда Снеговой его ввел, было чисто и прибрано, горели все лампы – тройник под потолком, торшер в углу над диваном и даже маленькая лампа на столе. На спинке стула висел китель с полковничьими погонами и с целой коллекцией орденских планок. Оказывается, наш Арнольд Палыч полковник… Так-так-так!

– Какую книгу? – спросил наконец Малянов.

– Любую, – сказал Снеговой нетерпеливо. – Возьмите вот эту и держите в руках, чтобы не забыть… И давайте присядем на минутку.

В полном обалдении Малянов взял со стола толстый том и, зажав его под мышкой, опустился на диван у торшера. Арнольд Палыч сел рядом и сейчас же закурил. На Малянова он не глядел.

– Значит, так… – прогудел он. – Значит, так… Прежде всего… Что это за женщина?

– Лидочка? Я же вам сказал: подруга жены. А что?

– Вы ее хорошо знаете?

– Н-нет… Только сегодня познакомился. Она приехала с письмом… – Малянов запнулся и испуганно спросил: – А вы что, думаете, она…

Снеговой перебил его:

– Спрашивать буду я. Времени у нас нет. Над чем вы сейчас работаете, Дмитрий Алексеевич?

Малянов сразу вспомнил Вальку Вайнгартена, и его снова окатило нехорошим холодком. Он сказал, криво ухмыльнувшись:

– Что-то сегодня все интересуются, над чем я работаю…

– А кто еще? – быстро спросил Снеговой, буравя его маленькими синими глазками. – Она?

Малянов потряс головой.

– Нет… Вайнгартен… Мой друг.

– Вайнгартен… – Снеговой насупился. – Вайнгартен…

– Да нет! – сказал Малянов. – Я его хорошо знаю, еще в школе вместе учились, до сих пор дружим…

– Такая фамилия – Губарь – вам ничего не говорит?

– Губарь? Нет… Да что случилось, Арнольд Палыч?

Снеговой раздавил в пепельнице окурок и закурил новую сигарету.

– Кто еще спрашивал о вашей работе?

– Больше никто…

– Так над чем вы работаете?

Малянов вдруг разозлился. Он всегда злился, когда ему становилось страшно.

– Слушайте, Арнольд Палыч, – сказал он, – я не понимаю…

– Я тоже! – сказал Снеговой. – И очень хочу понять! Рассказывайте! Подождите… У вас закрытая работа?

– Кой черт – закрытая? – раздраженно сказал Малянов. – Обыкновенная астрофизика и звездная динамика. Взаимодействие звезд и диффузной материи. Ничего закрытого здесь нет, просто я не люблю рассказывать о своей работе, пока не закончу!

– Звезды и диффузная материя… – медленно повторил Снеговой и пожал плечами. – Где имение, а где вода… И не закрытая? Ни в какой части?

– Ни в какой букве!

– И Губаря вы точно не знаете?

– И Губаря не знаю.

Снеговой молча дымил рядом с ним – огромный, сгорбившийся, страшный. Потом он сказал:

– Ну, на нет и суда нет. У меня к вам всё, Дмитрий Алексеевич. Извините, ради бога.

– Да, но у меня не всё! – сказал Малянов сварливо. – Я бы все-таки хотел понять…

– Не имею права, – сказал Снеговой, как отрезал.

Конечно, так просто Малянов бы от него не отстал. Но тут он заметил такое, что сразу прикусил язык. У Снегового левый карман его гигантской пижамы оттопыривался, и там весьма отчетливо и недвусмысленно отсвечивала рукоятка пистолета. Большого какого-то пистолета. Вроде гангстерского кольта из кино. И этот кольт сразу отбил у Малянова желание расспрашивать. Как-то сразу стало ему ясно, что его дело телячье и что спрашивает здесь не он. А Снеговой поднялся и сказал:

– Теперь вот что, Дмитрий Алексеевич. Я завтра опять…»

Глава третья

5. «…полежал на спине, не спеша очухиваясь. Под окном уже вовсю грохотали прицепы, а в квартире было тихо. От вчерашнего бестолкового дня остался только легкий шум в голове, металлический привкус во рту и какая-то неприятная заноза в душе, или в сердце, или бог еще знает где. Он стал разбираться, что это за заноза, но тут раздался осторожный звонок в дверь. А, это Палыч с ключами, сообразил он и торопливо соскочил с постели.

По дороге через прихожую он мельком отметил, что на кухне все прибрано, а дверь в Бобкину комнату плотно закрыта и задернута изнутри занавеской. Дрыхнет Лидочка. Встала, посуду помыла и снова завалилась.

Пока он возился с замком, звонок снова деликатно звякнул.

– Сейчас, сейчас… – сиплым со сна голосом проговорил он. – Одну минуточку, Арнольд Палыч…

Однако это оказался вовсе не Арнольд Палыч. Шаркая ногами по резиновому коврику, у порога стоял совершенно незнакомый молодой человек. Он был в джинсах, в черной рубашке с закатанными рукавами и в огромных противосолнечных очках. Тонтон-макут. Малянов успел заметить, что в глубине лестничной площадки, возле лифта, маячат еще двое тонтон-макутов в черных очках, но ему сразу стало не до них, потому что первый тонтон-макут произнес вдруг: «Из уголовного розыска» – и протянул Малянову какую-то книжечку. В развернутом виде.

«Очень мило!» – пронеслось у Малянова в голове. Все ясно. Этого и следовало ожидать. Чувства его были расстроены. В одних трусах он стоял перед тонтон-макутом из угрозыска и тупо смотрел в раскрытую книжечку. Там была фотокарточка, какие-то печати и надписи, но воспринял он своими расстроенными чувствами только одно: «Управление Министерства внутренних дел». Крупными буквами.

– Да-да… – пролепетал он. – Конечно. Прошу. А в чем дело?

– Здравствуйте, – произнес тонтон-макут очень вежливо. – Вы Малянов Дмитрий Алексеевич?

– Я…

– Несколько вопросов, с вашего разрешения.

– Пожалуйста, пожалуйста… – сказал Малянов. – Подождите, здесь у меня не убрано… Только что встал… Может быть, на кухню?.. Нет, там сейчас солнце… Ладно, заходите сюда, я сейчас уберу.

Тонтон-макут прошел в большую комнату и скромно остановился посередине, откровенно озираясь, а Малянов кое-как убрал постель, накинул рубашку, натянул джинсы и бросился раздергивать шторы и открывать окно.

– Вы садитесь вот сюда, в кресло… Или вам удобнее за стол? А что, собственно, случилось?

Осторожно перешагивая через разбросанные по полу листки, тонтон-макут приблизился к креслу, уселся и положил на колени желтую кожаную папку, которая у него вдруг откуда-то объявилась.

– Ваш паспорт, пожалуйста, – сказал он.

Малянов сунулся в стол, выкопал паспорт и передал ему.

– Кто еще здесь живет? – спросил тонтон-макут, разглядывая паспорт.

– Жена… сын… Но их сейчас нет. Они в Одессе… в отпуске… у тещи…

Тонтон-макут положил паспорт на свою папку и снял черные очки. Такой обыкновенный, простоватой внешности молодой человек. И никакой не тонтон-макут, а скорее уж продавец. Или, скажем, мастер из телеателье.

– Давайте познакомимся, – сказал он. – Я – старший следователь уголовного розыска, зовут меня Игорь Петрович Зыков.

– Очень приятно, – сказал Малянов.

Тут ему в голову пришло, что он, черт возьми, не какой-нибудь уголовный преступник, не ширмач, черт их всех подери, форточник, а старший, черт возьми, научный сотрудник и кандидат наук. И не мальчишка, между прочим. Он закинул ногу на ногу, уселся поудобнее и сказал сухо:

– Слушаю вас.

Игорь Петрович приподнял свою папку двумя руками, тоже положил ногу на ногу и, опустив папку на колено, спросил:

– Вы Снегового Арнольда Павловича знаете?

Малянова этот вопрос врасплох не застал. Почему-то – ему и самому было неясно почему – он так и ожидал, что спрашивать его будут сейчас либо про Вальку Вайнгартена, либо про Арнольда Палыча. Поэтому он по-прежнему сухо ответил:

– Да, с полковником Снеговым я знаком.

– А откуда вам известно, что он полковник? – немедленно поинтересовался Игорь Петрович.

– Н-ну, как вам сказать… – проговорил Малянов уклончиво. – Все-таки мы знакомы давно…

– Как давно?

– Н-ну… лет пять, наверное… с тех пор, как въехали в этот дом…

– А при каких обстоятельствах вы познакомились?

Малянов стал вспоминать. Действительно, при каких обстоятельствах? Ч-черт… Когда он ключ принес в первый раз, что ли?.. Нет, мы тогда уже были знакомы…

– Гм… – сказал он, снял ногу с ноги и поскреб в затылке. – Вы знаете, не помню. Помню, был такой случай… Лифт не работал, а Ирина – это моя жена – возвращалась из магазина с покупками и с сынишкой… Арнольд Палыч взял у нее авоську и ребенка… Ну, жена пригласила заходить… Кажется, в тот же вечер он и зашел…

– Он был в форме?

– Нет, – сказал Малянов уверенно.

– Так… И с тех пор вы, значит, подружились?

– Н-ну, что значит – подружились? Он заходит к нам иногда… берет книги, приносит книги… чаек иногда пьем вместе… а когда он уезжает в командировки, отдает нам ключи…

– Зачем?

– Как зачем? – сказал Малянов. – Мало ли…

А в самом деле, зачем? Как-то это мне никогда в голову не приходило. Так, на всякий случай, наверное…

– На всякий случай, наверное, – сказал Малянов. – Например, приедет кто-нибудь из родных… или еще что-нибудь…

– Кто-нибудь приезжал?

– Да нет… насколько я помню – нет. При мне, во всяком случае, никто не приезжал. Может быть, жена что-нибудь по этому поводу знает…

Игорь Петрович задумчиво покивал, затем спросил:

– Ну а приходилось вам с ним говорить о науке, о работе?

Опять о работе.

– О чьей работе? – мрачно спросил Малянов.

– О его, конечно. Ведь он, кажется, был физиком…

– Понятия не имею. Скорее уж ракетчиком каким-нибудь…

Он еще не успел договорить, как его обдало холодом. То есть как это – БЫЛ? Почему – БЫЛ? Ключ не занес… Господи, да что же случилось, наконец? Он уже готов был заорать во весь голос: «То есть в каком это смысле БЫЛ?» – но тут Игорь Петрович совершенно сбил его с панталыку. Стремительным движением фехтовальщика он выбросил в его сторону длинную руку и выхватил у него из-под носа какой-то черновик.

– А это откуда у вас? – спросил он резко, и мирное лицо его вдруг хищно осунулось. – Откуда у вас это?

– По… позвольте… – проговорил Малянов, приподнимаясь за похищенным черновиком.

– Сидите! – прикрикнул Игорь Петрович. Сизые его глазки бегали по лицу Малянова. – Как к вам попали эти данные?

– Какие данные? – прошептал Малянов. – Какие, к черту, данные? – заревел он. – Это мои расчеты!

– Это не ваши расчеты, – холодно возразил Игорь Петрович, тоже повышая голос. – Вот этот график – откуда он у вас?

Он издали показал листок и постучал ногтем по кривой плотности.

– Из головы! – сказал Малянов свирепо. – Вот из этой! – Он постучал себя кулаком по темени. – Это зависимость плотности от расстояния до звезды!

– Это кривая роста преступности в вашем районе за последний квартал! – объявил Игорь Петрович.

Малянов потерял дар речи. А Игорь Петрович, брюзгливо оттопырив губы, продолжал:

– Даже срисовать толком не сумели… Не так она на самом деле идет, а вот так… – С этими словами он взял карандаш Малянова, вскочил и, положив листок на стол, принялся, сильно надавливая, чертить поверх кривой плотности какую-то ломаную линию, приговаривая при этом: – Вот так… А здесь вот так, а не так… – Закончив и сломав грифель, он отшвырнул карандаш, снова уселся и посмотрел на Малянова с сожалением. – Эх, Малянов, Малянов, – произнес он. – Квалификация у вас высокая, опытный преступник, а действуете как последняя сявка…

Малянов обалдело переводил взгляд с чертежа на его лицо и обратно. Это не лезло ни в какие ворота. То есть до такой степени не лезло, что не имело смысла ни говорить, ни кричать, ни молчать. Собственно, строго говоря, в этой ситуации следовало бы попросту проснуться.

– Ну а жена ваша в хороших отношениях со Снеговым? – спросил Игорь Петрович прежним вежливым до бесцветности голосом.

– В хороших… – сказал Малянов тупо.

– Она с ним на «ты»?

– Послушайте, – сказал Малянов. – Вы мне чертеж испортили. Что это такое, в самом деле?

– Какой чертеж? – удивился Игорь Петрович.

– Да вот этот, график…

– А! Ну, это не существенно. Снеговой заходит в гости, когда вас нет дома?

– Несущественно… – повторил за ним Малянов. – Это, знаете ли, вам несущественно, – проговорил он, поспешно собирая со стола бумаги и кое-как распихивая их по ящикам. – Сидишь тут, сидишь как проклятый, вкалываешь, потом приходят всякие и говорят, что это несущественно… – бормотал он, опускаясь на корточки и собирая черновики, разбросанные по полу.

Игорь Петрович без всякого выражения следил за ним, аккуратно ввинчивая сигарету в мундштучок. Когда Малянов, отдуваясь, потный и злой, вернулся на свое место, Игорь Петрович спросил вежливо:

– Вы разрешите закурить?

– Курите, – сказал Малянов. – Вон пепельница… И знаете, спрашивайте поскорей, что вам нужно. Мне работать пора.

– Это зависит только от вас, – возразил Игорь Петрович, деликатно выпустив дым из угла рта в сторону от Малянова. – Вот, например, такой вопрос: как вы обычно называете Снегового – полковник, по фамилии или по имени-отчеству?

– Когда как придется, – буркнул Малянов. – Какая вам разница, как я его называю?

– Полковником тоже называете?

– Ну, называю. Ну?

– Это очень странно, – сказал Игорь Петрович, осторожно стряхивая пепел. – Дело в том, что Снеговой получил звание полковника только позавчера.

Это был удар. Малянов молчал, чувствуя, что лицо его заливается краской.

– Так откуда вы узнали, что Снеговой произведен в полковники?

Малянов махнул рукой.

– Ладно, – сказал он. – Чего там… Ну, прихвастнул. Ну, не знал я, что он полковник… или там подполковник… Просто я вчера к нему зашел, увидел китель с погонами… ну, вижу – полковник…

– А когда вы вчера у него были?

– Да вечером. Поздно… Книгу вот у него взял. Вот эту…

Это он зря сболтнул – про книгу. Игорь Петрович сейчас же книгу придвинул к себе и принялся ее листать, а Малянов покрылся холодным по́том, потому что понятия не имел, что это за книга и о чем.

– Это на каком же она языке? – рассеянно спросил Игорь Петрович.

– Э… – промямлил Малянов, вторично покрываясь холодным по́том. – На английском, надо полагать…

– Да нет как будто… – проговорил Игорь Петрович, вглядываясь в текст. – Это все-таки кириллица у вас… не латынь… А? Да это же русский!

Малянов облился по́том в третий раз, но Игорь Петрович только положил книгу на место, нацепил свои черные очки и, откинувшись в кресле, уставился на него. А Малянов уставился на Игоря Петровича, стараясь не мигать и не отводить взгляда. В голове у него было следующее: сук-кин ты сын… капитан Конкассер вшивый… не скажу, где наши…

– На кого я похож, по-вашему? – спросил вдруг Игорь Петрович.

– На тонтон-макута! – ляпнул Малянов не задумываясь.

– Неправильно, – сказал Игорь Петрович. – Попробуйте еще разок.

– Не знаю… – пробормотал Малянов.

Игорь Петрович снял очки и укоризненно покачал головой.

– Плохо! Ну – плохо! Никуда не годится. Странное у вас представление о наших органах следствия… Это надо же – тонтон-макут!

– Ну а на кого же? – спросил Малянов трусливо.

Игорь Петрович назидательно потряс перед собой очками.

– На человека-невидимку! – сказал он раздельно. – Единственное сходство с тонтон-макутом – единственное! – что тоже пишется через черточку.

Он замолчал. Стояла тяжелая ватная тишина, даже машины перестали взревывать под окном. Малянов не слышал ни одного звука, и ему опять мучительно захотелось проснуться. И вдруг в этой тишине грянул телефон.

Малянов вздрогнул. Игорь Петрович, кажется, тоже. Звонок грянул вторично. Опираясь на подлокотники, Малянов приподнялся и вопросительно посмотрел на Игоря Петровича.

– Да-да, – сказал тот. – Это, наверное, вас.

Малянов добрался до тахты и взял трубку. Это был Валька Вайнгартен.

– Здорово, астрофаг, – буркнул он. – Что не звонишь, скотина?

– Ты понимаешь… не до того было…

– С бабой развлекаешься?

– Д-да… нет… Что ты, какое там…

– Если б моя Светка поставляла мне своих подружек!.. – произнес Вайнгартен завистливо.

– Д-да… – промямлил Малянов. Он все время чувствовал у себя на затылке взгляд капитана Конкассера. – Слушай, Валька, я тебе попозже позвоню…

– А что у тебя там? – сейчас же встревожился Вайнгартен.

– Да так… Я тебе потом расскажу.

– Баба эта?

– Нет.

– Мужчина?

– Ага…

Вайнгартен тяжело задышал в трубку.

– Слушай, – сказал он, понизив голос. – Я сейчас к тебе приеду. Хочешь?

– Нет! Тебя еще здесь не хватало…

Вайнгартен снова задышал.

– Слушай, – сказал он. – Он рыжий?

Малянов невольно оглянулся на Игоря Петровича. К его удивлению, Игорь Петрович на него вовсе не смотрел, а читал, шевеля губами, книгу Снегового.

– Да нет, что за чушь! Ладно, я потом тебе позвоню…

– Обязательно позвони! – заорал Валька. – Как только он уйдет, сразу же звони!

– Ладно, – сказал Малянов и повесил трубку. Потом он вернулся на свое место, пробормотав: «Пардон…»

– Ничего, ничего, – сказал Игорь Петрович и отложил книгу. – Широкие у вас все-таки интересы, Дмитрий Алексеевич…

– Д-да… не жалуюсь… – промямлил Малянов. Ч-черт, хоть бы одним глазком глянуть, что это за книга. – Игорь Петрович, – сказал он просительно. – Давайте, если можно, как-нибудь закругляться. Второй час уже.

– Ну, разумеется! – воскликнул Игорь Петрович с готовностью. Он озабоченно взглянул на часы и извлек из папки блокнот. – Значит, так. Вчера вечером вы заходили к Снеговому. Так?

– Да.

– За этой книгой?

– Д-да… – сказал Малянов, решив ничего больше не уточнять.

– Когда это было?

– Поздно… около двенадцати…

– Вам не показалось, что Снеговой собирается куда-то уезжать?

– Да, показалось. То есть не показалось… Он просто сам сказал, что завтра утром уезжает и занесет мне ключи…

– Занес?

– Нет. То есть, может, он и звонил в дверь, но я не слышал, спал…

Игорь Петрович быстро писал, положив блокнот на папку, лежащую на колене. На Малянова он теперь вовсе не смотрел, даже когда задавал вопросы. Торопился, что ли?

– А Снеговой не сказал вам, куда он собирается ехать?

– Нет. Он никогда не говорит, куда едет…

– Но вы догадываетесь, куда он ездит?

– Н-ну, в общем… догадываюсь… На полигон какой-нибудь… или что-нибудь еще в этом роде…

– Он вам что-нибудь рассказывал об этом?

– Нет, конечно. Мы о его работе никогда не говорили.

– Откуда же вы догадываетесь?

Малянов пожал плечами. В самом деле, откуда? Такие вещи объяснить невозможно… Ясно, что человек работает в глубоком ящике, лицо вон все обожжено, руки… и манеры соответствующие… и то, что уклоняется от разговоров о работе…

– Не знаю, – сказал Малянов. – Как-то мне всегда казалось… Не знаю.

– Он знакомил вас с кем-нибудь из своих друзей?

– Нет, никогда.

– А с женой?

– Разве он женат? Я всегда считал, что он холостяк или… это… вдовец…

– А почему вы так считали?

– Не знаю, – сказал Малянов сердито. – Интуиция.

– А может быть, ваша жена вам об этом говорила?

– Ирка? Ей-то откуда знать?

– Вот это я и хотел бы выяснить.

Воцарилось молчание, оба они уставились друг на друга.

– Не понимаю, – сказал Малянов. – Что вы хотите выяснить?

– Откуда ваша жена знала, что Снеговой не женат.

– Э-э… А-а… А она знала?

Игорь Петрович не ответил. Он пристально смотрел на Малянова, и зрачки его странным и зловещим образом то сужались, то расширялись. Нервы у Малянова были натянуты до предела. Ему казалось: еще секунда – и он начнет колотить кулаками по столу, брызгать слюной и вообще потеряет лицо. Он просто больше не мог. Во всей этой болтовне был какой-то зловещий подтекст, все это было похоже на липкую паутину, и в эту паутину почему-то то и дело затягивали Ирку…

– Ну, ладно, – сказал вдруг Игорь Петрович, захлопывая блокнот. – Значит, коньяк у вас здесь… – Он указал на бар. – А водка – в холодильнике. Вы что предпочитаете? Лично вы.

– Я?

– Да. Вы. Лично.

– Коньяк… – произнес Малянов хрипло и глотнул. В горле у него было сухо.

– Вот и прекрасно! – бодренько сказал Игорь Петрович, легко поднялся и мелкими шажками двинулся к бару. – Далеко ходить не надо… Та-ак! – Он уже копался в баре. – Ага, тут у вас и лимончик есть… Подсох слегка, но это ничего, не страшно… Какие рюмочки прикажете? Давайте вот из этих, из синеньких…

Малянов тупо смотрел, как он с необыкновенной ловкостью расставляет на столе рюмки, тонкими ломтиками нарезает лимон, откупоривает бутылку.

– Вы знаете, – говорил он, – если откровенно – дело ваше дрянь. Разумеется, все решает суд, но я как-никак десять лет уже работаю, кое-какой опыт имею. Всегда, знаете ли, можно представить себе, какое дело на что тянет. Ну, вышки вам не дадут, но лет пятнадцать я вам, можно сказать, гарантирую… – Он аккуратно, не пролив ни капли, разлил коньяк по рюмкам. – Разумеется, всегда могут открыться смягчающие обстоятельства, но пока я их, откровенно говоря, не вижу… Не вижу, не вижу и не вижу, Дмитрий Алексеевич! Ну… – Он поднял рюмку и приглашающе наклонил голову.

Одеревенелыми пальцами Малянов взялся за свою рюмку.

– Хорошо… – произнес он не своим голосом. – Но могу я все-таки узнать, что происходит?

– Ну разумеется! – вскричал Игорь Петрович. Он выпил, кинул в рот ломтик лимона и энергично закивал. – Разумеется, можете! Теперь я вам все расскажу. Имею полное право.

И он рассказал.

Сегодня в восемь часов утра за Снеговым пришла машина, чтобы отвезти его на аэродром. К удивлению водителя, Снеговой не дожидался в подъезде, как это было у них заведено. Повременив пять минут, водитель поднялся на лифте и позвонил в квартиру. Никто ему не открыл, хотя звонок работал – водитель слышал это прекрасно. Тогда он спустился вниз и из автомата на углу доложил по начальству о создавшейся ситуации. Начальство стало звонить Снеговому по телефону. Телефон Снегового был все время занят. Тем временем водитель, обойдя дом, обнаружил, что все три окна Снегового раскрыты настежь и в квартире, несмотря на высокое уже солнце, горит электрический свет. Водитель немедленно доложил об этом. Были вызваны компетентные лица, которые, прибыв, тут же взломали замок и осмотрели квартиру Снегового. При осмотре было обнаружено, что все электролампы в квартире включены, на кровати в спальне стоит незакрытый, но собранный чемодан, а сам Снеговой сидит в своем кабинете за столом, держа в одной руке телефонную трубку, а в другой – пистолет системы Макарова. Было установлено, что Снеговой скончался от огнестрельной раны, нанесенной из этого пистолета в правый висок в упор. Смерть последовала мгновенно между тремя и четырьмя часами утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.